

С.В. Цыремпилов

САМОУБИЙСТВА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ БУРЯТИИ?

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (Улан-Удэ)

В статье представлены данные о высоком уровне суицидов в Бурятии. Неблагоприятная ситуация наблюдается в районах с преобладанием коренного населения. В Кижингинском, Еравнинском, Хоринском, Окинском, Северобайкальском районах количество самоубийств за последние годы превышает 100 случаев на 100 тыс. населения. Самое большое количество суицидов отмечается в возрасте 16–25 лет: в 2007 г. доля самоубийств в данном возрасте составила 30,1 % от общего числа суицидов. Влияние социально-экономических и медико-организационных факторов на популяционную частоту суицидов является неблагоприятным. Предположено, что уровень суицидов зависит от принадлежности к разным этносам. Существуют большие различия между регионами России по количеству самоубийств. Предположено, что этнотипическое поведение, включая в т.ч. так называемое суицидальное поведение, представителей разных этносов определяется стадией этногенеза. Определены лица с повышенным риском развития суицида среди молодежи разных национальностей. Определено большое количество лиц с повышенным риском развития суицида. Определено, что принадлежность к разным этническим группам не оказывает значимого влияния на количество лиц с повышенным риском развития суицида.

Ключевые слова: суициды, Бурятия, буряты, эвенки, этнокультуральные отличия, культурные ценности

YOUTH SUICIDE IN BURYATIA?

S.V. Tsyrempilov

Buryat State University, Ulan-Ude

The article presents the data on the high level of suicides in Buryatia. Unfavorable situation is observed in areas with prevalence of indigenous population. In Kizhinginskiy, Eravninskiy, Khorinskiy, Okinskiy, Severobaykalskiy areas number suicides in recent years was more than 100 cases per 100 thousand population. The largest number of suicide was registered at the age of 16–25 years: in 2007 the percent of these suicides was 30,1 % of the total number of suicides. The influence of socio-economic and health conditions of organizational factors on population suicide rate is unfavorable. It was suggested that level of suicides depends on the belonging to different ethnic groups. There are huge differences between regions of Russia by the number of suicides. It was suggested that ethnic behavior, including so-called suicidal behavior, of the representatives of different ethnic groups is determined by the stage of ethnogenesis. The individuals with an increased risk of suicide among young people of different nationalities were determined. Also we revealed large number of people with an increased risk of suicide. It was determined that belonging to different ethnic groups had no significant effect on the number of persons with increased risk of suicide.

Key words: suicides, Buryatia, Buryats, Evenks, ethnocultural differences, cultural values

В России наиболее неблагоприятная ситуация отмечается в Сибирском федеральном округе (СФО), где в 2009 году показатель самоубийств составил 41,5 случая на 100 тыс. населения, что превышало средний показатель по России в 1,5 раза, критический уровень ВОЗ – в 2 раза, среднемировой показатель – в 2,6 раза [6]. Согласно классификации ВОЗ, в регионах СФО отмечался только высокий и сверхвысокий уровень. При этом только 4 субъекта относительно благополучны – это Томская, Омская, Новосибирская области, Красноярский край. Остальные 11 регионов характеризуются сверхвысоким уровнем частоты суицидов.

По данным 2008 г., самый высокий в СФО уровень частоты самоубийств отмечается в Бурятии – 73,3 случая на 100 тыс. населения. Отмечаются наивысшие показатели суицидов и среди городского (56,9 на 100 тыс.) и среди сельского (93,4 случая на 100 тыс.) населения [6]. В Бурятии наибольшее количество суицидов отмечается в возрасте 16–25 лет: в 2007 г. доля суицидов в данном возрасте составила 30,1 % от общего числа суицидов [5]. Особую тревогу вызывает ситуация в Кижингинском, Еравнинском, Хоринском, Окинском, Северобайкальском районах республики, где количество самоубийств за последние годы пре-

вышает 100 случаев на 100 тыс. населения, отмечаются случаи массового суицида среди подростков [5]. При общей доле бурят в населении Республики около 30 % Кижингинский, Еравнинский, Хоринский районы населены преимущественно бурятами, Окинский почти полностью сойотами, Северобайкальский район частично эвенками, также здесь подавляющая часть славянского населения представлена трудовыми мигрантами северных строек, БАМ и т.п.

Данная неблагоприятная ситуация требует в первую очередь анализа причин ее возникновения. В настоящее время считается общепринятым, что популяционная частота суицидов зависит от 3 групп факторов: социально-экономических, этнокультуральных и медико-организационных.

Социально-экономический суицидогенный фактор в Бурятии можно расценить как негативный. Российская Федерация позиционирует себя как социальное государство. В связи с тем, что целью социального государства является процветание народа его населяющего, мы использовали следующий интегральный показатель. В 2008 году по индексу развития человеческого потенциала населения Бурятии занимала 65-е место из 80 регионов России [15]. По данным Правительства Бурятии [9], в 2010 году

количество людей с доходами ниже прожиточного минимума оставалось на уровне 2009 года и составляло 19,7 %, что достоверно превышает аналогичный российский показатель (13,5 %). Это количество людей находящихся в «абсолютной бедности», поставленных на грань физического выживания, голодающих. Среди подобных людей риск суицида многократно увеличивается [3]. Также, согласно определению бедности, предложенной в 1964 году Молли Оршански и ныне применяемой в большинстве развитых стран мира, бедность – это состояние, при котором более 1/3 бюджета домашнего хозяйства тратится на покупку продуктов питания. В Бурятии по данному показателю в 2010 году 34,8 % населения относилось к беднякам [8]. Таким образом, можно предположить, что у более чем трети населения Бурятии риск суицида увеличен во много раз.

Медико-организационный фактор, на наш взгляд, по причине отсутствия государственной программы предупреждения суицидов и суицидологической службы в Бурятии, можно расценить как негативный [10].

Вопрос о том, существует ли негативное влияние этнокультурального фактора на уровень суицидов в Бурятии, к настоящему времени не решен и требует научного исследования. Существуют различные точки зрения на вклад этнокультурального фактора в количество суицидов населения Бурятии. К примеру, профессор Б.С. Положий считает, что буддийская религия у бурят способствует «формированию мыслей о допустимости суицида» [6]. Профессор И.С. Урбанаева считает иначе: «... для буддиста самоубийство недопустимо» и «рост числа суицидов свидетельствует как раз о том, что в Бурятии до основания разрушены базовые понятия буддийского мировоззрения, которые делали невозможным суицид...» [13]. Существует устоявшаяся точка зрения о буддизме как о факторе консолидации этноса и «преобладании в общественном сознании «банальной религиозности», характеризующейся в функциональном смысле не мировоззрением, а социальной идентификацией» (Амголонова Д.Д., 2012).

Но вместе с вышеперечисленными негативными суицидогенными факторами мы также знаем, что региональные различия по распространенности смертности от самоубийств достигают в России 100–120 раз [2, 3]. Наименьшие цифры суицида наблюдаются в регионах Северного Кавказа [7], и эти факты, по нашему мнению, говорят в пользу того, что данное региональное различие по частоте самоубийств определяется в первую очередь этнокультуральными различиями этносов, населяющих Российскую Федерацию.

Степень выраженности суицидального риска (вероятность осуществления суицидальных действий) можно определить путем сопоставления суицидогенных и антисуицидальных факторов личности, а также степенью влияния личностно-ситуационных (характер и значимость суицидогенного конфликта) и средовых (социально-демографических) факторов. И здесь, по нашему мнению, можно предположить, что в данном сопоставлении определяющим, «перевешивающим со знаком минус» компонентом

может выступить фактор старения этноса. Данный фактор существует объективно и характеризуется определенными изменениями во всех сферах жизнедеятельности популяции и индивидуума. В науке применен данному фактору нашел Лев Николаевич Гумилев: по его предположению старение этноса сопровождается изменением в сторону уменьшения уровня пассионарной энергии данного конкретного этноса. Л.Н. Гумилев в труде «Этногенез и биосфера Земли» в главе 8 говорит «Без пассионарности люди менее приспособлены к жизни на Земле, чем животные. Те в стабильных и благоприятных условиях не вымирают... На этом уровне пассионарности (низком, от автора) кончаются этногенезы». Согласно теории этногенеза Л.Н. Гумилева, уровень пассионарной энергии, присущий определенной фазе этногенеза, определяет этнический характер (менталитет) конкретного этноса. По определению Ю.В. Чернявской, «этнический (национальный) характер (менталитет) есть особый психический склад народа, возникающий на основе всего его социокультурного опыта, всей совокупности традиций, идей, ценностей, стереотипов, идеалов, интересов, распространенных в данной этнической общности, оказывающих воздействие на ее представителей и «вылепливающих» ее образ как в сознании самой этой общности, так и в представлении других. Это целостная система черт, особенностей восприятия, мышления и поведения, которые могут встречаться и у других народов, но именно в таком выражении и соотношении отличаются именно этот этнос» [14]. Этнический характер этноса определяет этнические ценности этноса и этнокультурные доминанты психики, императивно обуславливающие тот или иной этнический стереотип поведения, ценностные ориентиры, в частности, отношение к смерти, что в свою очередь влияет на возможность совершения суицида. Этности, в среде которых наблюдается максимальный уровень суицида, к примеру, циркумполярные, арктические монголоиды (в т.ч. эвенки) рядом авторитетных исследователей-суицидологов рассматриваются как реликтовые этности [1, 11], что по определению Л.Н. Гумилева означает находящиеся в фазе биоценоза с окружающей средой. Уровень пассионарной энергии данных этносов низок, что не позволяет им приспособиться к непрерывно изменяющимся условиям развивающегося мира, и в конечном итоге проблемы дезадаптации выступают определяющим суицидогенным фактором.

Осмелимся предположить, что бурят-монгольский этнос как неотъемлемая часть *Рах Mongolica*, как и остальные монгольские племена, переживший пассионарный подъем и сохранивший память об этом в письменных и устных эпосах и преданиях, ныне переживает фазу обскурации (старения) с соответствующим стереотипом поведения и соответствующими фатальными последствиями. Таким образом, **целью** начального этапа нашей работы являлось определение среди молодежи разных этносов людей с повышенным риском развития суицида и определение социальных и культурных ценностей, обуславливающих этнотипическое поведение личности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследования проводились среди студентов-первокурсников медицинского факультета БГУ. Перед началом исследования студентам была разъяснена цель исследования, предполагаемые результаты, методика исследования, возможность опубликования результатов с сохранением анонимности участников исследования, последующий алгоритм действий при положительном результате. Все студенты подписали информированное добровольное согласие на участие в исследовании. В исследовании принял участие 121 человек, средний возраст респондентов – 17,5 лет. Этнический состав представлен бурятами – 85 человек (70 %), славянами – 29 (24 %), тувинцами – 5 (4 %).

Для определения степени суицидального риска применялись следующие **методики**: Кучер А.А., Костюкевич В.П. «Выявление суицидального риска у детей»; методика в модификации Разуваевой Т.Н. «Выявление суицидального риска у детей; опросник суицидального риска». Для определения социальных и культурных ценностей, обуславливающих этнотипическое поведение личности, использована методика Ш. Шварца. В нашем случае ценность методики Шварца подтверждается исследованием Я.С. Сунцовой, проведенном среди удмуртов и показавшем расхождение ценностей среди студентов-удмуртов на фоне высокой смертности от суицида молодых удмуртов, достигающей поистине эпидемических масштабов, что, к сожалению, присуще и молодежи Бурятии [12].

В настоящее время получены **результаты** исследования студентов медицинского факультета. Из 121 человека, по итогам теста 1, повышенный риск суицида определяется у 35 человек (42 %). По итогам теста 2 повышенный риск суицида отмечен у 41 человека (49 %). Результаты теста 3 в настоящее время анализируются. В группу потенциальных суицидентов вошли люди с наличием повышенного риска суицида по итогам теста 1 и 2, всего 42 человека (34%). Среди бурят число потенциальных суицидентов достоверно не отличается от таковой у славян и тувинцев.

В **заключение** можно сделать вывод о том, что в данной выборке установлено большое количество лиц с повышенным риском развития суицида, а также о том, что принадлежность к разным этническим группам не оказывает значимого влияния на количество лиц с повышенным риском развития суицида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галактионов О.К., Шорин В.В. Транскультуральная психиатрия. – Владивосток: Время, ЛТД, 2009. – 416 с.
2. Говорин Н.В., Сахаров А.В., Ступина О.П. Алкогольный фактор в суицидогенезе в Забайкалья // Забайкальский медицинский вестник. – 2007. – Т. 1. – С. 12–17.
3. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Социальные и клинические проблемы суицидологи в системе мер по снижению преждевременной смертности и увеличе-

нию продолжительности жизни населения // Вестник РАМН. – 2006. – № 8. – С. 18–22.

4. Дмитриева Т.Б. После ночи всегда наступает день // Медицинский вестник. – 2009. – № 3–4. – С. 4.
5. Лубсанова С.В., Югов К.Д. Оценка динамики завершенных суицидов в Республике Бурятия за 2005–2007 гг. (по материалам бюро СМЭ РБ) // Бюл. ВСНЦ СО РАМН. – 2009. – № 2. – С. 196–198.
6. Положий Б.С. Суицидальная ситуация в Сибирском федеральном округе и пути ее улучшения // Матер. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы суицидологии: проблемы и пути их решения в Республике Бурятия» (Улан-Удэ, 2010). – С. 8–12.
7. Положий Б.С. Реформирование системы суицидологической помощи – необходимое условие совершенствования охраны общественного здоровья // Российский психиатрический журнал. – 2011. – № 6. – С. 11–17.
8. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах по субъектам Российской Федерации // Статистический бюллетень федеральной службы государственной статистики «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах» в 2010 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М., 2011.
9. Постановление Правительства Республики Бурятия от 30 сентября 2011 г. № 507 «О Программе Республики Бурятия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2011–2012 годы» // Общественно-политическая газета «Бурятия – официальный вестник» (6 окт. 2011 г.). – 2011. – №11 (1095). – С. 9.
10. Постановление Совета Народного Хурала РБ «О ходе реализации Закона Республики Бурятия от 23.12.1992 г. № 283-ХП «О государственной молодежной политике в Республике Бурятия» // Общественно-политическая газета «Бурятия» (1 марта 2013 г.). – 2013. – № 23 (4728). – С. 29.
11. Семке В.Я., Бохан Н.А., Галактионов О.К. Очерки этнопсихологии и этнопсихотерапии. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 158 с.
12. Сунцова Я.С. Социальные и культурные ценности личности как факторы этнотипического поведения личности // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 9. – С. 111–124.
13. Урбанаева И.С. Философский подход к анализу причин роста суицида в Бурятии: Буддизм и факторы суицидального риска // Матер. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы суицидологии: проблемы и пути их решения в Республике Бурятия» (Улан-Удэ, 2010). – 2010. – С. 22–28.
14. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/index.php. – С. 24, 39.
15. National Human Development Report, Russian Federation. – 2010. – P. 138–139.

Сведения об авторах

Цыремпиллов Сергей Владимирович – кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры анатомии и физиологии, заместитель декана медицинского факультета по воспитательной работе ФБГОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: tsyrempilov@yandex.ru)